

18+

Амелия

Слишком умная для счастья

Амелия Амелия

Слишком умная для счастья

<https://litres.ru/74257457>

ISBN 9785007059404

Аннотация

Амелия — успешный психолог. Ее идеальный брак однажды заканчивается сообщением: «Ты не видела мой серый кардиган?» Спасаясь от боли, она сбегает в осеннюю Вену. Там она встречает Стефана — реставратора фарфора, превращающего трещины в золото с помощью древнего искусства Кинцуги. Она впервые смотрит на свою жизнь без привычных оправданий, диагнозов и психотерапевтических формулировок.

Это история о боли, которую невозможно спрятать, и о шрамах, которые лечит не время, а золото прожитого опыта.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Слишком умная для счастья

Амелия

© Амелия, 2026

ISBN 978-5-0070-5940-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Город жрет людей в три смены. Я стою на эскалаторе, который медленно опускает меня в бетонную глотку метро, и пытаюсь вспомнить, как дышать.

В вагоне пахнет мокрыми зонтами, жженым металлом и чьим-то очень плохим завтраком. Я смотрю на женщину напротив. Она судорожно поправляет причёску, глядя в отражение в темном стекле. Острая нехватка любви, — услужливо подсовывает мозг заученный диагноз. Заткнись, Амелия. Просто заткнись.

Меня зовут Амелия, и я чертов гений по части того, как всё исправить. У меня есть диплом с золотым тиснением, кабинет с видом на парк и клиенты, которые записываются ко мне за месяц, чтобы узнать, как «наладить контакт с собой». Я — лучший в городе механик по ремонту сломанных судеб.

Но три дня назад мой собственный муж закрыл за собой дверь. Не было ни криков, ни битья посуды. Просто тихий щелчок замка, который прозвучал громче взрыва.

Поезд резко дергает. Меня прижимает к чьей-то грязной куртке. В горле встаёт комок. Я знаю, что это называется «спазм гортани на фоне острого стресса». Я знаю, что сейчас наступит стадия отрицания, а потом — гнева. Я знаю всё о том, как мне сейчас должно быть плохо.

Я слишком умная, чтобы просто плакать. Я должна анали-

зировать. Но почему-то вместо анализа по щеке ползет мокрая дорожка. Я смахиваю её рукой, надеясь, что окружающие примут это за капли дождя. Которого нет.

«Осторожно, двери закрываются», — вещает голос сверху. Мои двери захлопнулись три дня назад. И все мои умные книги, все мои знания о «гармонии и осознанности» сейчас стоят не больше, чем использованная за обедом салфетка.

Сапожник без сапог — это слишком мягко.

Я — диетолог, умирающий от анорексии прямо на глазах у своих пациентов.

Глава 1

Мой кабинет пахнет сандалом, спокойствием и уверенностью. Клиенты платят мне за этот запах — он входит в стоимость часа вместе с моей невозмутимостью и мягким светом торшера.

Мария сидит напротив. Она плачет — тихо, аккуратно, стараясь не размазать тушь. У неё классика: муж завел любовницу, «ищет себя», а она ищет смысл жизни в пустой квартире.

— Я просто не понимаю, Амелия... — всхлипывает она. — Мы же всё делали правильно. Мы вместе ходили на курсы, мы обсуждали чувства... Где я совершила ошибку?

Я смотрю на её идеальный маникюр и чувствую приступ тошноты. Где ты совершила ошибку, Маша? В том же месте, где и я. Мы поверили, что жизнь — это конструктор Lego, который можно собрать по инструкции из умных книг.

— Мария, — мой голос, отточенный годами практики, звучит как бархатный. — Важно понимать: его уход — это не ваша ошибка. Это его выбор. Сейчас нам нужно вернуть фокус на вас. Чего хочет та маленькая девочка, которая живет внутри вас?

Боже, меня сейчас вырвет от этой фразы. Та маленькая девочка внутри меня сейчас хочет только одного: свернуться калачиком в темном углу и орать, пока не лопнут барабанные

перепонки. Но я сижу прямо. Я держу спину.

— Девочка?.. — Мария поднимает на меня глаза, полные надежды. — Вы думаете, ей еще можно помочь?

Нет, — хочется мне сказать. — Ей нельзя помочь. Она умерла три дня назад вместе с щелчком дверного замка. Мы все здесь просто имитируем жизнь.

Вместо этого я наклоняюсь вперед — этот жест означает «максимальное сочувствие» — и слегка касаюсь её руки.

— Конечно. Она ждала вас слишком долго.

В этот момент мой телефон в сумке вибрирует. Три коротких сигнала. Это может быть он. Моё сердце делает кувырок и падает куда-то в район желудка. Я продолжаю улыбаться Марии, но внутри меня разверзается ад. Я должна досидеть эти сорок минут. Я должна доиграть роль «самой умной».

Это и есть моя работа: продавать людям надежду, когда у самой её не осталось даже на донышке.

Едва за Марией закрылась дверь, напускное спокойствие осыпалось с меня, как дешевая штукатурка. Я метнулась к сумке. Пальцы не слушались, молния заела. Черт.

Экран вспыхнул. Одно уведомление. Сердце подпрыгнуло к горлу, а потом с размаху рухнуло в ледяную воду. Это был не он.

«Амелия, подтверждаете запись на завтра на 10:00? С уважением, ваша клининговая служба».

Я швырнула телефон на кожаный диван — тот самый, на котором мои клиенты исповедуются в своих грехах. Кли-

нинг. Они придут вытирать пыль и мыть пол там, где еще недавно лежали его вещи и стояли его кроссовки.

В кабинете стало нечем дышать. Запах сандала, который должен был успокаивать, теперь казался тошнотворным, как в похоронном бюро. Я подошла к окну. Люди внизу куда-то бежали, жили свои маленькие, «непроработанные» жизни, и я впервые в жизни им позавидовала. Они имели право на ошибку. Я — нет. Я же «слишком умная». Я же «эксперт по гармонии».

Я посмотрела на свой диплом на стене. Золотые буквы издевательски поблескивали.

— Иди к черту, — прошептала я пустоте.

Я открыла ноутбук. Руки дрожали так сильно, что я трижды промахнулась по клавишам. Поиск билетов.

Куда угодно. Лишь бы не возвращаться сегодня вечером в пустую квартиру, где тишина орет громче любого скандала. Лишь бы не видеть завтра в этом кабинете понимающих глаз моих клиентов, которые ждут от меня чуда, пока я сама захлебываюсь в дерьме.

Вся моя жизнь — и домашняя, и рабочая — вдруг стала мне мала, как платье, из которого я выросла еще в детстве. Оно трещит по швам, оно режет подмышки, оно мешает дышать.

Вена. Первое, что выскочило в поиске...

Город, где я когда-то была счастлива еще до того, как узнала на практике, что такое «гештальт» и «когнитивные ис-

кажения». Город, где можно раствориться в толпе и просто пить кофе, не ставя никому диагноза.

Вылет сегодня. Слишком дорого. Слишком импульсивно. Совершенно непрофессионально — у меня завтра три приёма.

Что бы ты посоветовала клиенту в такой ситуации, Амелия? — ехидно спросил внутренний голос.

Я внесла свои данные, на секунду зажмурилась и с силой нажала «Оплатить». В этот момент я не была психологом. Я была тонущим человеком, который наконец-то перестал делать вид, что умеет ходить по воде.

Подтверждение на электронную почту пришло почти мгновенно. Вылет через шесть часов. Успею? В любом другом состоянии я бы высчитала всё до минуты: время на дорогу, возможные пробки на шоссе, очередь на досмотр. Но сейчас мой «внутренний аналитик» лежал в глубоком обмороке.

У меня было слишком мало времени, чтобы думать о том, успею ли я заехать домой, чтобы впихнуть свою жизнь в чемодан и исчезнуть в неизвестном направлении.

Первое такси довезло меня до дома за двадцать минут. Я молчала, глядя, как город задыхается в заторах. Мой дом был всего в пяти километрах, но сейчас это расстояние казалось бесконечным.

Пять часов до вылета.

Три до начала регистрации.

Время не просто шло, оно утекало сквозь пальцы, как песок.

В квартире стояла та самая хирургическая тишина, от которой закладывает уши.

Я зашла, не разуваясь. Плевать. Я прошла на кухню и открыла холодильник. На полке сиротливо стояла банка его любимых оливок с косточкой. Он их обожал, а я ненавидела — вечно боялась сломать об них зуб. Я взяла банку и, не открывая, швырнула её в мусорное ведро. Звук удара о пластик принес секундное, острое облегчение.

В спальне я вытащила из шкафа и кинула на кровать чемодан.

Его половина шкафа зияла пустотой. Знаете, как выглядят полки, с которых забрали жизнь? Там остаются только комочки пыли и забытая пуговица. Он забрал всё: даже зарядку для айфона и ту самую дурацкую кружку с надписью «Best Dad», хотя детей у нас так и не случилось.

Я начала кидать в чемодан вещи. Не глядя. Шелковое платье, которое он любил — в сторону. Растянутый свитер, в котором я похожа на испуганного подростка — внутрь. Книжки по психоанализу — к черту, я не возьму с собой ни одной страницы чужой мудрости.

Я бросилась в ванную за зубной щеткой. Там, в стакане из тонкого хрусталя, стояла его зубная щетка. Синяя. Ворсинки чуть растрепаны. Он забыл её. Или оставил специально, как немой упрек: «Смотри, Амелия, я ушел так быстро, что даже

не позаботился о гигиене».

Я смотрела на эту щетку и понимала: я, эксперт с десятилетним стажем, сейчас готова разрыдаться над копеечным куском пластика.

— Слишком умная, да? — прошептала я своему отражению. Глаза в зеркале были красными и чужими. — Ну и где твои аффирмации, детка? Где твой «внутренний ресурс»?

Я схватила стакан с этой щеткой, желая то ли сломать её, то ли выбросить, но рука дрогнула. Стакан — тонкий, дорогой хрусталь — жалобно звякнул о гранитную столешницу и лопнул прямо в моих пальцах, рассыпавшись на острые искры.

— Черт... — я зашипела, глядя на руку. По пальцу ползла красная нитка крови. Кровь была яркой, настоящей и не имела никакого отношения к психологии. Это было первое живое проявление боли в этой квартире за три дня. Куда более понятное, чем то, что я препарировала у своих клиентов.

Я замотала палец первой попавшейся салфеткой и вернулась в комнату. Бросив еще пару вещей, я захлопнула чемодан. Мне сейчас не нужно было много. Мне нужно было сейчас только одно: перестать быть женщиной, которая ждет, когда в коридоре послышатся его шаги.

Через десять минут я уже вызывала такси.

Посмотрев на пустую вешалку в коридоре, где еще недавно висела его ветровка, я вышла из квартиры и закрыла за собой дверь. Металл замка лязгнул, как затвор винтовки. Ко-

нец.

Такси ждало у подъезда. Водитель — седой мужчина с усталыми глазами — посмотрел на мой чемодан, который я волокла за собой, как труп своего счастливого прошлого, и молча открыл багажник.

— Аэропорт. Международный терминал. Двойной тариф, если успеем за полчаса.

Я смотрела в окно такси. Два часа до самолета — это слишком мало, чтобы собрать жизнь по кускам, но вполне достаточно, чтобы просто перестать делать вид, что у тебя всё под контролем.

Через сорок минут я уже стояла в очереди на регистрацию. Взмыленная, с чемоданом, в котором вещи были свалены как попало, и с пульсирующим пальцем. Салфетка промокла, пятно крови стало бурым. Я выглядела как угодно, только не как «успешный психолог». Но именно сейчас я впервые за долгое время чувствовала, что я — это я.

Глава 2

В салоне самолета пахло подогретым кофе, антисептиком и чьим-то тревожным потом. Я втиснулась в своё кресло у окна — тридцать второй ряд, эконом, место, где колени упираются в подбородок, а личное пространство заканчивается там, где начинается локоть соседа.

Я посмотрела на свою руку. Салфетка на пальце с бурым пятном крови. Руки слегка подрагивали. Я попыталась сделать «квадратное дыхание» — вдох на четыре счета, задержка, выдох... На третьем цикле я поняла, что хочу не дышать, а вцепиться в спинку стоящего впереди кресла и вытрясти из этого мира объяснения: «За что?».

Я надела наушники, закрывая глаза. Вход воспрещен. Идет технический перерыв в работе идеальной женщины.

— У вас очень громкие мысли, деточка. Они мешают мне читать, — раздался рядом голос, сухой и скрипучий, как старый пергамент.

Я вздрогнула и открыла глаза. Соседка. Женщина без возраста, в безупречном кашемировом кардигане цвета овсянки. На её шее светилась нитка жемчуга — тяжелого, идеально ровного, с тем самым глубоким мерцанием, которое бывает только у вещей с историей. Этот жемчуг не кричал о деньгах, он просто делал всё вокруг — и эти тесные кресла, и мой замотанный салфеткой палец — невыносимо убогим.

Она держала в руках книгу в коричневом кожаном переплете и смотрела на меня глазами цвета выцветшего джинса.

Я выключила музыку, чувствуя, как внутри закипает ядовитая смесь из усталости и профессионального высокомерия.

— Простите? — мой голос был холодным и отточенным, как скальпель. — Кажется, я не произнесла ни слова.

— Слова — это шум для дураков, — она даже не улыбнулась. — А у вас внутри сейчас такой грохот, будто вы пытаетесь голыми руками остановить идущий на таран поезд.

Я хотела ответить ей что-то резкое. Что-то про нарушение личных границ и проекции. Но мой «умный» мозг вдруг выдал короткое замыкание.

— Я просто... я порезалась, — ляпнула я, зачем-то демонстрируя ей свой замотанный палец. Боже, Амелия, ты — ведущий психолог города, что ты несешь?

Старушка мельком взглянула на мою руку.

— Кровь — это хорошо. Это значит, что вы всё ещё живы, как бы сильно вы ни пытались превратить себя в памятник самой себе.

Она вернулась к чтению, но прежде чем перевернуть страницу, добавила:

— Запомните, деточка: нельзя управлять самолетом, если вы купили билет в эконом-класс и сидите у туалета. Перестаньте пытаться рулить. Просто летите. Упадете вы или приземлитесь — сейчас решает не ваш интеллект, а законы

физики.

Я вжалась в кресло. Самолет начал разбег. Турбины взревели, и я почувствовала, как меня вжимает в спинку. В этот момент я поняла, что всё ещё до боли, до белых костяшек сжимаю подлокотники. Я пыталась контролировать полет огромной железной птицы весом в десятки тонн. Наверное, так же я пыталась контролировать и хаос своей жизни — силой мысли. И это было чертовски глупо.

Когда самолет набрал высоту и табло «пристегните ремни» погасло, в салоне воцарилось то самое липкое оцепенение, которое бывает только в вечерних рейсах.

Я откинулась на спинку, чувствуя, как все еще пульсирует порезанный палец. Пытаясь не обращать внимания на грязную салфетку на пальце, я сосредоточилась на себе. Я знала, что сейчас мне полагается «заземлиться». Техника «пять-четыре-три-два-один». Пять предметов, которые я вижу... Четыре звука...

Я видела: пятно кофе на столике, ворс на кардигане соседки, трещину на пластике иллюминатора, салфетку на пальце и... пустоту там, где должно было быть мое будущее. Техника не работала. Мои профессиональные инструменты рассыпались в пыль на высоте десяти тысяч метров.

— Вы всё ещё пытаетесь их классифицировать? — раздался тихий голос. Старушка даже не подняла глаз от своей книги.

— Простите? — я повернулась к ней.

— Ваши чувства. Вы раскладываете их по коробочкам, как старый аптекарь. Но ваши коробки промокли, деточка. Дно вываливается.

Я почувствовала, как к горлу подкатывает горячая волна стыда.

— Я психолог. Это моя работа — понимать, что происходит.

— Ваша работа — делать вид, что вы понимаете, — она наконец посмотрела на меня. — А сейчас вы просто брошенная женщина в дешевом самолете, у которой нет даже пластыря. И это, наверное, то единственное живое, что произошло с вами за последние годы. Не вздумайте портить это своим психоанализом.

Я замолчала. Слова старушки повлияли на меня сильнее, чем годовая супервизия. Она не просто меня задела — она содрала с меня кожу.

Она протянула мне крошечный флакон из темного стекла, который пах лавандой и чем-то горьким.

— Смажьте палец. И перестаньте анализировать тишину. В ней нет ответов, там только эхо вашего собственного вранья.

Я взяла флакон. Мой «умный» мозг хотел прочесть состав, проверить противопоказания, но рука просто открыла крышку. Содержимое пахло лавандой и чем-то горьким, почти медицинским. Я отодрала присохшую салфетку и капнула на палец темную густую маслянистую жидкость — обо-

жгло так, что на глаза навернулись слезы, а потом пришло странное, холодное онемение.

Я смотрела в темное стекло иллюминатора. В нем отражалось мое лицо — бледное, с тенями под глазами, совсем не похожее на безупречное фото с обложки моей будущей книги. Я думала о муже. Не о том, как он уходил, а о том, как мы завтракали месяц назад. Он читал газету, а я смотрела на него и привычно сканировала: «Так, плечи опущены — подавленная агрессия. Молчит — уход в себя».

Я не видела мужчину, которого когда-то любила до дрожи в коленях. Я видела пациента. Я препарировала нашу близость, пока она не сдохла под моим микроскопом.

— Вы закончили? — вдруг спросила соседка.

— Что?

— Свою аутопсию. Вы сейчас препарируете своё прошлое с таким усердием, что мне кажется, я слышу хруст костей.

Я горько усмехнулась.

— Кажется, я проиграла эту партию.

— В этой партии нельзя выиграть, — сказала она, продолжая смотреть в свою книгу. — Можно только перестать в нее играть.

Самолет вдруг качнуло — мы начали снижение. В ушах возникло то самое неприятное давление. В иллюминаторе под нами начали проступать огни Вены — они были похожи на рассыпанную по серому бархату соль. Холодную, острую и готовую разъесть любую рану.

Я машинально потянулась к сумке, чтобы достать телефон и посмотреть адрес отеля. Пальцы замерли над молнией. В голове возникла звенящая пустота.

Я перебрала в памяти последние часы: кабинет, такси, оливки в мусорном ведре, хрусталь, регистрация... Оплата билета. Я видела зеленую галочку «Оплачено». Но я не видела подтверждения брони. Я вообще не открывала сайты с отелями.

Я, женщина, у которой в гугл-календаре расписан каждый вдох клиентов на полгода вперед, летела в ночь, в чужой город, не имея ни малейшего представления о том, где я проведу ближайшую ночь.

— У вас такое лицо, деточка, будто вы только что обнаружили, что на вас забыли надеть парашют, — сказала старушка, отвлекаясь от чтения.

Я сглотнула, пытаясь избавиться от заложенности в ушах.

— Я... я забыла забронировать жилье, — голос прозвучал по-детски жалко.

— Вы не забыли, — она наконец захлопнула книгу, на обложке которой не было названия. — Вы просто подсознательно надеялись, что «завтра» не наступит. Что самолет будет лететь вечно. Но у физики свои планы на этот счет. Мы садимся. В Вене есть старый отель, «Швайцерхоф». Там скрипят полы и пахнет пыльными порттьерами прошлых веков. Идеальное место для тех, кто хочет окончательно развалиться на куски, чтобы потом собрать себя заново. Скажите

портье, что вы от фрау Грис. Он найдет для вас каморку, даже если там будет съезд епископов.

Я смотрела на нее, не мигая.

— Почему вы мне помогаете?

— Я не помогаю, — она сухо улыбнулась, и жемчуг на её шее качнулся. — Я просто не люблю, когда в моем присутствии люди так громко фонят своим отчаянием. У вас слишком навязчивое горе, деточка. Оно перебьет даже самый сильный аромат кофе. В вашем возрасте пора бы научиться носить свои шрамы с большим достоинством.

Она снова открыла книгу, давая понять, что аудиенция окончена. Я осталась сидеть, оглушенная этой фразой. Каждое слово Грис ввинчивалось в меня, как шуруп. В моем возрасте... Мои шрамы...

Я посмотрела на свой палец. Кровь запеклась и была словно черта, разделявшая пространство на «до» и «после». Я — мастер по починке чужих душ — сидела в хвосте самолета и не знала, как нести свой собственный шрам так, чтобы он не вонял на весь салон.

«Швайцерхоф». Название звучало как приговор или как спасение.

Стюардесса прошла по ряду, проверяя ремни. Я пристегнулась, чувствуя, как железная пряжка впивается в живот.

Пора возвращать меня с небес на землю.

Глава 3

Самолет начал заваливаться на крыло, закладывая вираж над вечерним городом. Неприятное ощущение в ушах усилилось, будто выставляя счет за бывшую тишину.

Шасси с глухим стуком коснулись полосы. Рев турбин на реверсе заполнил всё пространство, выбивая из головы остатки логики. Мир за окном был темным, холодным и абсолютно равнодушным к моей драме.

Я прилетела в город, который меня не звал, в отель, который мне посоветовала сумасшедшая старушка из эконом-класса.

Слишком умная для счастья, — пронеслось у меня в голове, когда самолет замедлил ход. — Но, кажется, достаточно сумасшедшая, чтобы выжить.

Когда двери самолета открылись, в легкие ворвался воздух Вены — незнакомый, тяжелый и пахнувший чужой жизнью.

Я шла по телетрапу, стараясь не отставать от кашемировой спины фрау Грис. Мне отчаянно хотелось схватить её за рукав, спросить фамилию портье, уточнить дорогу... Но в терминале, среди яркого света и бесконечных указателей, она просто прибавила шаг. Возле паспортного контроля она на секунду обернулась — не для того, чтобы попрощаться, а просто словно поправляя жемчуг на шее. Один холодный

взгляд серых глаз — и она исчезла в толпе, словно её и не было. Словно она была лишь галлюцинацией моего воспаленного мозга.

Я осталась одна. Словно в другой галактике. «Швехат» — аэропорт, сверкающий стерильной чистотой и равнодушием. Люди вокруг меня точно знали, куда они идут: к выходам, к парковкам, в объятия встречающих. Я же стояла посреди зала выдачи багажа, и мой чемодан, выехавший на ленту одним из первых, выглядел так же жалко, как и я.

Я достала телефон. Автоматическое подключение к роумингу. «Добро пожаловать в Австрию!» — радостно пропищал экран. И следом — оглушительная тишина в мессенджерах. Ни одного сообщения от мужа. Даже «как ты?».

Я — Амелия, дипломированный психолог, которая учит людей «выстраивать внутренние опоры» — сейчас физически чувствовала, как мои собственные опоры превратились в труху.

На улице шел дождь. Он был мелким, колючим и абсолютно бесшумным. Он мгновенно пропитал мое пальто, делая его тяжелым, как кольчуга.

Очередь на такси двигалась быстро. Я стояла, вцепившись пальцами в ручку чемодана. Когда подошла моя очередь, водитель — тучный австриец с сонным лицом — открыл багажник и вопросительно посмотрел на меня.

— Wohin? Куда едем? — спросил он.

В этот момент мой мозг, перегруженный психоанализом,

цитатами Фрейда и теорией привязанности, просто отключился. Я знала название отеля. Оно крутилось на подкорке, как заезженная пластинка, но челюсть словно свело судорогой. Я забыла, как складывать звуки в слова. Я смотрела на него, и в глазах начали скапливаться слезы — не те, «очищающие», о которых я писала в статьях, а горькие, постыдные слезы неудачницы.

— «Швайцерхоф»... — наконец выдохнула я, почти вытолкнув это слово из горла. — Пожалуйста. Отель «Швайцерхоф».

Я не знала адреса. У меня не было брони. Всё, что у меня было — это имя какой-то фрау Грис и порезанный палец.

— «Швайцерхоф»? — переспросил водитель, оценивающе глядя на мой непрезентабельный вид и простенький чемодан. — Старый отель в Первом районе? Уверены?

— Да, — я захлопнула дверь такси, отсекая себя от всего мира. — Я абсолютно уверена.

Машина тронулась. Я прижалась лбом к холодному стеклу. Психолог внутри меня пытался прошептать: «Это просто стадия дезориентации, это нормально». Но женщина внутри меня просто закрыла уши и впервые за три дня позволила себе по-настоящему испугаться.

Вена за окном такси плыла серыми пятнами. Мокрый асфальт отражал неоновые вывески, превращая их в цветные разводы на дороге. Я смотрела на город, который когда-то казался мне воплощением мечты, и видела только равнодуш-

ные стены домов.

Мы въехали в Первый район. Узкие улочки, где каждый камень помнит Габсбургов, сжимались вокруг машины. Такси затормозило у тяжелых дубовых дверей с латунной табличкой «Schweizerhof».

Я вышла под дождь. Чемодан на брусчатке грохотал так, будто я волокла за собой железный ящик с обломками своей жизни.

В холле отеля было невыносимо тихо. Пахло воском, дорогим табаком и чем-то очень старым — так пахнет время, которому нет дела до человеческой суеты.

За стойкой стоял мужчина в безупречном фраке. Его лицо казалось вырезанным из того же вечного камня, что и фасад здания. Он беспристрастно окинул меня коротким взглядом: потяжелевшее от дождя пальто, прилипшие к лицу пряди волос и глаза, в которых от лощеного образа успешного эксперта не осталось даже тени.

— Доброго вечера. Чем могу быть полезен? — его немецкий был сухим и чистым, как щелчок хлыста.

— Мне нужна комната. Вот мой паспорт...

Он медленно опустил взгляд в монитор. Его брови едва заметно дрогнули.

— Мне очень жаль, но у нас нет бронированного на ваше имя номера. И отель полностью заполнен. Сегодня в городе конференция...

Мир вокруг меня начал мелко дрожать. Я почувствовала,

что если сейчас развернусь и выйду обратно под дождь, я просто растворюсь в этом городе. Исчезну в ночи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.